Темушев, С.Н. Опыт прочтения летописного известия о дани восточных славя хазарам / С.Н. Темушев // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2010. — С. 324-332.

**С.Н. Темушев**

# ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ ЛЕТОПИСНОГО ИЗВЕСТИЯ О ДАНИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ХАЗАРАМ

Среди первых известий древнейших летописных памятников содержится рассказ о взимании дани варягами и хазарами с ряда восточнославянских и финно0угорских племен. Под условным 859 г. автор «По вести временных лет» (далее — ПВЛ) поместил следующее сообщение: «Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словенех, на мери и на всехъ, кривичехъ. А козари имаху на полянех, и на северех, и на вяти чехъ, имаху по беле и веверице от дыма» [22, с. 12].

Приведенное прочтение интересующего нас сообщения ПВЛ является определенной интерпретацией: произведена разбивка текста на слова, расставлены знаки препинания. В то же время различные летописные своды, в начальной своей части содержащие текст ПВЛ, и, главное, Лаврентьевская, Ипатьевская и близкие им летописи, послужившие основой для реконструкции самой ПВЛ, позволяют несколько иначе представить сообщение о дани варягам и хазарам. Важнейшее отличие заключается в определении размера подымной дани восточнославянских союзов племен («по беле и веверице»). Представляется, что предпочтительным должен считаться вариант «по белеи веверице».

В свое время С. М. Каштановым была осуществлена систематизация разночтений в летописных сводах сообщения о дани варягам и хазарам [13], что избавляет от необходимости повторно проводить эту трудоемкую работу. Исследователь привел аргументы в пользу вероятности ошибки во фразе ПВЛ «и на всехъ, кривичехъ», в которой должно читаться финно-угорское племя весь. Именно так считал А. А. Шах матов, который предложил следующий вариант данной фразы в своей реконструкции ПВЛ: «…и на Вьси, и на Кривичих» [33, с. 19]. Что касается разночтений в летописях об объекте обложения в статье С. М. Каштанова делается важное наблюдение: во всех летописях (за исключением Львовской) указывается на взимание дани хазарами «с дыма». При этом ряд летописей (что весьма показательно — Новгородская первая летопись младшего извода) указывают на взимание дани с северных «племен» только варягами «от мужа». Значительная группа летописей (Новгородская IV, Софийская I, Тверская, Никаноровская, Воскресенская и др.) противопоставляют окладные единицы, с которых взимали дань варяги и хазары: соответственно «от мужа» и «от дыма» [13, с. 59].



Вопрос о датировке в летописях сообщения о выплате дани чужеземцам (кроме 859 г. встречаются даты 852, 854, 858 гг.) [13, с. 57] не имеет принципиального значения. Все эти даты, как и в целом датировки наиболее ранних событий в истории Древней Руси, условны. Составитель летописей при датировке событий мог опираться на византийские хроники, но данного сообщения последние не содержат.

Наряду с определением окладной единицы наиболее важным в ре конструкции начального этапа становления налогово-даннической системы в Древней Руси является выяснение размеров варяжской и хазарской дани. В данном случае в источниках имеются множества рас хождений, скрупулезно систематизированных С. М. Каштановым. При этом можно отметить, что главное расхождение в размере дани («по беле и веверице» или «по белеи веверице») обусловлено не различиями в источниках, а интерпретацией

издателей летописей. Так, в публикации наиболее ценных для изучения истории Древней Руси летописей — Ипатьевской и Лаврентьевской — соответственно читаем: «… имаху по беле и веверици тако от дыма» [11, стб. 14] и «…имаху по белеи вевери це от дыма» [15, стб. 19]. В Радзивилловской летописи в интересующем нас фрагменте содержится явная ошибка: вместо «веверици» — «девеци», что выправляется по Московско-Академическому списку («имаху по беле и веверици от дыма») [26, с. 16]. В реконструкции М. Д. При селковым Троицкой летописи фрагмент о дани хазарам остался непол ным: «… на Полянахъ и на Северянехъ и на вятичихъ имаху по бе…i по веверици от дыма» [24, с. 57] (в статье С. М. Каштанова ошибочно: «…имаху по белеи веверице от дыма»). Между тем в примечании Н. М. Карамзина к его «Истории государства Российского» прямо про цитирован данный фрагмент из Троицкой летописи: «по беле и по веверице» [12, с. 204, прим. 89]. При этом сам историк не сомневался, что «то и другое имя значит одно», и в основном тексте своей «Истории» писал о дани славян хазарам «по белке с дома» [12, с. 54].

Таким образом, публикации основных летописных памятников дают возможность двояко воспринимать текст о размере дани. А. А. Шахматов в своей реконструкции ПВЛ выбрал вариант «по беле веверице» [33, с. 19]. В издании 1950 г., подготовленном Д. С. Лихачевым и Б. А. Рома новым, предпочтение было отдано прочтению «по беле и веверице» [23, с. 11]. Этот же вариант сохранился и в последующих изданиях ПВЛ [22, с. 12]. Соответственно в переводе на современный русский язык был предложен следующий вариант: «В год 6367. Варяги взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с севе-



рян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма» [22, с. 149]. Можно заметить, что, помимо авторской интерпретации выражения «по беле и веверице», Д. С. Лихачев произвольно отбросил летописную фразу «и на всехъ». Кроме того, была устранена двойственность оригинального летописного сообщения, а именно возможность отнесения дани «по беле и веверице» и к хазарам, и к варягам.

Более поздние летописные своды, сообщения которых о хазарской и варяжской дани были проанализированы С. М. Каштановым, в своем большинстве указывают на одну единицу подымной дани: «по беле вереце от дыма», «по беле с дыма», «по беле векшице от дыма» [13, с. 61—62]. С. М. Каштанов приводит интереснейшие наблюдения о регионах распространения и приуроченности терминов «веверица» и «век ша». Поздние летописи создают впечатление, что варяги взимали дань «веверицами», а хазары «векшами». Вопрос о том, являлось ли такое терминологическое различие (при содержательном и смысловом единстве: веверица=векша=белка) изначальным, С. М. Каштанов оставляет открытым [13, с. 66—67]. Однако, учитывая то обстоятельство, что в наиболее ранних источниках терминологической пестроты не наблюдается, необходимо признать появление иной терминологии (при сохранении прежнего семантического наполнения) интерпретацией поздних летописцев. Именно диалектными особенностями языка местности обусловлены терминологические различия анализируемого летописного сообщения. Необходимо также учитывать, что «в позднем средневековье работа с летописями приближается по своим методам к работе с библейскими текстами — контаминирование, появление «контролируемой традиции» (когда благодаря множеству сверок образовывается некий более-менее устойчивый «канонический» текст)» [1, с. 8]. Специалисты отмечают, что в своей работе летописцы максимально сохраняли предшествующие тексты, которыми пользовались при составлении новых летописных сводов. Для того чтобы переработать, внести сознательные исправления в свой источник, летописец должен был иметь серьезные основания. «Ни произвольного искажения текста, ни фантастических добавлений и необоснованных утверждений летописцы, работавшие

до XVI в., как правило, не допускали» [17, с. 353]. Эти соображения крупнейшего специалиста по древнерусской литературе Д. С. Лихачева и современной исследовательницы Т. Л. Вилкул достаточно емко характеризуют работу летописцев и дают дополнительные основания утверждать о невозможности существенной переработки летописных сообщений, касающихся первых веков истории Руси.

326

Уже отмеченные выше обстоятельства дают основания для существенной корректировки сообщения ПВЛ в интерпретации издателей о дани восточнославянских союзов племен. На это наталкивают разночтения в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, а также устойчивое упоминание в более поздних летописных сводах одной единицы взимаемой дани. В этом отношении показательно сообщение Никоновской летописи (в недатированной части): «О Варязехъ. Имаху дань Ва рязи, приходящее изъ заморіа, на Словенехъ, рекше на Новогородцехъ, и на Мещерехъ, и на Кривичехъ отъ мужа по беле и веверици. О Каза рехъ. А Казари имаху дань на Полянехъ, и на Северянехъ, и на Вяти чахъ по беле, рекше по векше, съ дыма» [16, с. 8]. Можно заметить, что составителя Никоновской летописи — образованного человека XVI в. — не устраивала фраза из ранних летописей («по беле и веверици»), и он дал ей объяснение, более понятное его современникам.

Кроме анализируемого сообщения о дани варягам и хазарам в летописных сообщениях о раннем этапе становления Древнерусского государства имеются иные указания на содержание и размер дани иноземцам. Дань мечами, о которой рассказывается в недатированной части ПВЛ [22, с. 11—12], носит скорее легендарный характер или иносказательно передает какие-то конкретные отношения (по мнению Г. И. Магнера, готовность полян выставить по воину с мечом от каждой семьи) [18, с. 189—195]. Под 862 г. в ПВЛ сообщается о даннической зависимости полян, но о размере дани не говорится [22, с. 13]. Значительную ценность представляют весьма лаконичные сообщения ПВЛ под 883, 884 и 885 гг. В них подтверждается предшествующая информация о даннической зависимости северян от хазар, а также выясняется, что и радимичи платили дань хазарам. Князь Олег, подчинив Киеву «племена» древлян, северян и радимичей, проявил определенную политическую гибкость, обложив их, судя по всему, не обременительной данью. Так, с радимичей Олег потребовал ту же дань, что те платили хазарам — «по щьлягу» (с какой окладной единицы — не указывается). С «племени» же древлян князь потребовал дань «по черне куне» [22, с. 14].

Следует обратить особое внимание на летописное выражение «черна куна» (черная куница). Термин «куны» в Древней Руси являлся синонимом денег [30, с. 331; 29, с. 331]. Показательно, что полную аналогию это находило в средневековой Хорватии [34, с. 46]. Как синоним денег куны неоднократно встречаются в памятниках древнерусской литературы: «…истьцю лице взятии, а прока ему желети, что с нимь по гибло, а оному своихъ кунъ желети» [28, с. 502] (Русская Правда); «Пож-

327

дете, даже вы куны сберуть, за месяць» [22, с. 37] (ПВЛ); «А на Ярослалихъ любъвницехъ поимаша новгородци кунъ много и на городища нохъ» [20, с. 68] (Новгородская первая летопись); «А куны имъ класти святого великого Ивана в домъ» [32, с. 559] (Уставная грамота новгородского князя Всеволода Мстиславича); «…елико хощеть, еще же и ку нами тому давъ, отъпусти и» [9, с. 392] (Житие Феодосия Печерского). Примеры можно многократно продолжить.

По предположению В. Л. Янина, в первой трети X в. денежно-весовая система Древней Руси основывалась на соотношении счетной гривны к 25 кунам, равным 20

ногатам. При этом куна равнялась арабскому дирхему, некоторая часть которого называлась веверицей (векшей) [34, с. 144]. Куны в качестве платежного средства в письменных памятниках Древней Руси часто упоминаются рядом с белками-веверицами-векшами. Так, в сообщении ПВЛ 1068 г. читаем: «Дворъ жь княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, кунами и белью» [22, с. 74].

В так называемый «безмонетный период» термин «куница» служил для обозначения куньего меха в роли платежного средства, имевшего определенную стоимость. Неоднократно в качестве платежного средства выступают куны в Русской Правде краткой и пространной редак ции: «… а за корову 40 резань, а третьякь 15 кунъ», «А въ голубе и в куря ти 9 кунъ» [27, с. 492, 494]; «Аже крадеть кто скотъ въ хлеве или клеть, то же будеть одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; будеть ли ихъ мно го, всемъ по 3 гривны и по 30 кунъ платити» [28, с. 502].

В реальной судебно-процессуальной практике XII в. отмечается противопоставление старых (ветхих) и новых кун: «А оже мужа свяжють без вины, то 12 гривнъ за соромъ старых кун… Оже пошибаеть мужеску жену любо дчьрь, то князю 40 гривнъ ветхъми кунами, а жене или мужь ское дчери 40 гривнъ ветхыми кунами» [6, с. 55]. Нередки и упоминания в источниках в качестве платежного средства и белок. Так, в «Двин ской уставной грамоте» (конец XIV в.) штраф за нарушение границы земельных владений значится в белках: «… а межы сел межа — тритцать бел; а княжа межа — три сороки бел» [8, с. 21].

Нет сомнений в том, что денежная единица куна этимологически связывается с названием пушного зверька. Появление же этого термина обусловлено практикой употребления куньих шкурок в качестве платежного средства со времени еще до появления в Восточной Европе иноземной монеты [19, с. 157] (а при отсутствии собственной чеканки и ввоза монет из-за границы — и в «безмонетный период»). Арабский географ Ибн Русте (начало X в.) отмечал подобную ситуацию в Волж-



ской Булгарии: «Главное их имущество — куницы. У них нет денег … дирхемы у них — куницы» [10, с. 34].

Почему же в летописном сообщении о дани древлян Олегу куны называются вместе с эпитетом «черные». Конечно, можно предположить, что речь идет об одном из видов куниц, отличающемся более темной окраской. Эту мысль как будто подтверждает обитание в Восточной Европе двух видов куниц — лесной (Martes martes, она же желтодушка) и каменной (Martes foina, белодушка). Мех лесной куницы более качественный и ценится выше, хотя и меньше, чем соболя. Шерсть лесной куницы окрашена в каштановый или темно-коричневый цвет, и она более темная, чем каменной куницы. Хотя ареалы обитания лесной и каменной куниц не совпадают, тем не менее восточным славянам мог ли быть известны, наряду с первыми (они повсеместно были распространены в лесах Восточной Европы), и вторые. Однако отличие двух видов куниц в окраске несущественно, и, главное, в источниках не отмечается различие «черных кун» и неких «светлых (белых?) кун».

В связи с этим представляется необходимым рассматривать встречающиеся в тексте ранних древнерусских летописей понятия «белая веверица» и «черная куна» (вероятно, они присутствовали и в Начальном своде 90х гг. XI в.) в комплексе, неразрывно друг от друга. Разумеется, черная куна таковой не является, как и беличий мех — не белый. В данной связи мы сталкиваемся с одним из литературных, можно сказать, стилистических приемов летописца, возможно, пользовавшегося при записи рассматриваемых сообщений какими-то устными преданиями, обличенными в повествовательно-поэтическую форму. Это предположение кажется более вероятным, чем совершенно искусственное построение сложной конструкции, включающей две единицы

подымного обложения. При этом требует дополнительных объяснений понятие «бела», появившееся в связке с веверицами (в древнерусской литера туре слова «бель», «бела» выступают как синонимы векши и веверицы).

Встречающееся в древнерусских письменных памятниках понятие «черная куна» недвусмысленно указывает на стремление автора текста указать на то, что в данном контексте речь идет именно о мехе. Приведем несколько примеров: «А у Торопчи урока 40 гривенъ и 15 лисиць и 10 черныхъ кунъ» [31, с. 79] (Смоленская уставная грамота); «Тогда же Ростиславъ позва Святослава к собе на обедъ … и бысть же радость в тъ день межю има, и дарове мнози, да бо Ростиславъ Святославу соболми, и горностаими, и черными кунами, и песци и белыми волкы, и рыбьи ми зубы» (Ипатьевская летопись, под 1160 г.); «Ехавъ же Коснятинъ по-



има на нихъ дань, черныя куны и бель сребро» (там же, под 1257 г.); «Пошли, господине, к намъ жито свое продаятъ, а мы ради купимъ: чего восхочешь, воску ли, бели ли, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль, мы рады дамы» (там же, под 1279 г.) [11, стб. 504, 835, 879]. В приведенных примерах эпитет «черный» последовательно служит для разделения бытовавших в то время значений понятия «куна» — меха куницы, самого зверька и денежно-весовой единицы. Кроме того, обращает на себя внимание наличие в одном предложении двух антонимичных эпитетов — «черный» и «белый» («черные куны» и «белые волки», «черные куны» и «белое серебро»). Представляется, что и в данном случае при сутствует литературный прием средневекового книжника.

Между тем дань мехами подвластным населением Восточной Европы для периода IX—X вв. хорошо прослеживается по данным источников. Кроме уже цитированных летописных сообщений, можно отметить свидетельство авторитетного автора, непосредственного очевидца описываемых явлений — арабского путешественника Ибн Фадлана. В 922 г. он побывал в Волжской Булгарии, о правителе которой записал следующее: «На царе славян (лежит) дань, которую он платит царю хазар, от каждого дома в его государстве — шкуру соболя» [25, с. 78]. Это сообщение тем более ценно, что адресатом дани в конечном итоге являлся Хазарский каганат, наложивший дань на восточных славян.

В уже цитированном сообщении Ипатьевской летописи 1257 г. рас сказывается о взимании дани с племени ятвягов неким Константином, посланным князем Даниилом Галицким [11, стб. 835; 2, с. 131]. Обращает на себя внимание размер взимаемой дани — «черная куна» и «белое сребро». При этом окладная единица не указана. В данном случае, безусловно, речь идет о дани пушниной и серебряными слитками. Напрашиваются аналогии этого сообщения с известием ПВЛ о взимании дани хазарами. Однако вряд ли сообщение 1257 г. может служить для подтверждения возможности обложения хазарами восточных славян двумя единицами дани — «белью» и «веверицами». В данном случае, вероятно, речь идет не о двух единицах обложения, скорее летопись свидетельствует о возможности выплачивать дань определенного размера мехами или серебром. Дань восточных славян мехами, как явление вполне обыденное, предстает в произведениях позднейших авторов, в том числе иностранных. Так, о взимании хазарами с некоторых восточнославянских «племен» дани «беличьими шкурками с каждого дома» пи сал Сигизмунд Герберштейн [3, с. 43], имевший в своем распоряжении Ермолинскую летопись или сходную с ней [4, с. 297].



Таким образом, анализ письменных источников дает весомые аргументы в пользу корректировки представленной в публикации ПВЛ фразы о выплате хазарам дани

полянами, северянами и вятичами. В пери од до оформления Древнерусского государства ряд восточнославянских союзов племен находился в даннической зависимости от Хазарского каганата. Дань выплачивалась беличьим мехом либо иным материальным богатством, эквивалентным по стоимости. Это могло быть зерно, в котором нуждались кочевники [21, с. 290], серебряные монеты [5, с. 145] или что-либо иное, имевшее ту же стоимость, что и мех одной белки. Нет необходимости искать в «белой веверице» иного пушного зверька, действительно белого по окрасу (горностай) [14]. Возможно, эпитеты «белый», как и «черный», в приложении к меху животных — не более чем литературный прием.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Вилкул, Т. Л. Новгородская первая летопись и Начальный свод / Т. Л. Вилкул // Palaeoslavica. 2003. XI. С. 5—35.
2. Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / сост. Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин; под ред. Н. Ф. Котляра. СПб. : Алетейя, 2005. 424 с.
3. Герберштейн, С. Записки о Московии: в 2 т. / С. Герберштейн; под ред. А. Л. Хо рошкевич. М. : Памятники исторической мысли, 2008. Т. I. 776 с.
4. Герберштейн, С. Записки о Московии: в 2 т. / С. Герберштейн; под ред. А. Л. Хо рошкевич. М. : Памятники исторической мысли, 2008. Т. II: Статьи, комментарий, при ложения, указатели, карты. 656 с.
5. Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов / И. Н. Данилевский. М. : Аспект — Пресс, 2004. 370 с.
6. Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Издво АН СССР, 1949. С. 55—56.
7. Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Яросла вичем // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л. : Издво АН СССР, 1949. С. 10—11.
8. Жалованная уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М. : Издво АН СССР, 1952. Т. I. С. 21—22.
9. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 2000. Т. 1 (XI—XII вв.). С. 352—433.
10. Заходер, Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе / Б. Н. Заходер. М., 1967. Т. 2. 328 с.
11. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М. : Языки рус ской культуры, 2001. Т. II. 648 с.
12. Карамзин, Н. М. История государства Российского: в 12 т. / Н. М. Карамзин; под ред. А. Н. Сахарова. М. : Наука, 1989. Т. I. 640 с.



13. Каштанов, С. М. Возникновение дани в Древней Руси / С. М. Каштанов // От Древней Руси к России нового времени: сб. ст. к 70летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 57—71.
14. Кузьмин, А. Г. Термин «бела» древнерусских памятников / А. Г. Кузьмин // Сред невековая Русь. М. : Наука, 1976. С. 67—70.
15. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. 2е изд. М. : Языки русской культуры, 2001. Т. I. 496 с.
16. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью //

Полное собрание русских летописей. М. : Языки русской культуры, 2000. Том IX. 288 с.
17. Лихачев, Д. С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.) / Д. С. Лихачев. СПб. : Алетейя, 2001. 759 с.
18. Магнер, Г. И. От дыма меч. Историческая основа легенды о полянской дани хаза рам / Г. И. Магнер // Средневековая и новая Россия: сб. науч. ст. к 60летию профессора И. Я. Фроянова. СПб. : Издво СанктПетербургского унта, 1996. С. 189—195.
19. Назаренко, А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. / А. В. Назаренко. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
20. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. На сонова. М.; Л., 1950. 568 с.
21. Петрухин, В. Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневе ковье / В. Я. Петрухин, В. Я. Раевский. 2е изд., перераб. и доп. М. : Знак, 2004. 416 с.
22. Повесть временных лет / подгот. текста, перевод, статьи и комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. АдриановойПеретц. 2е изд., испр. и доп. СПБ. : Наука, 1996. 468 с.
23. Повесть временных лет. Ч.1. Текст и перевод. М.; Л. : Наука, 1950. 326 с.
24. Приселков, М. Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста) / М. Д. Приселков. 2е изд. СПб. : Наука, 2002. 514 с.
25. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / пер. и коммент. А. П. Ковалевского; под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л. : Издво АН СССР, 1939. 242 с.
26. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Л. : Наука, ленинградское отделение, 1989. Т. 38. 178 с.
27. Русская Правда (Краткая редакция) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 2000. Т. 4 (XII век). С. 490—495.
28. Русская Правда (Пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб. : Наука, 2000. Т. 4 (XII век). С. 496—517.
29. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / Р. И. Аванесов (гл. ред.). М., 1991. Т. 4. 356 с.
30. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. СПб. : Типография императорской Академии наук, 1893. Т. I. 1365 стб.
31. Уставная грамота князя Ростислава 1150 г. // Смоленские грамоты XIII—XIV ве ков / подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатина; под ред. Р. И. Аванесова. М. : Издво АН СССР, 1963. С. 75—80.
32. Уставная грамота новгородского князя Всеволода Мстиславича церкви св. Иоан на Предтечи на Опоках // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 558—561.
33. Шахматов, А. А. Повесть временных лет / А. А. Шахматов. Пг., 1916. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. 150 с.
34. Янин, Л. В. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории де нежной системы средневекового Новгорода / Л. В. Янин. М. : Языки славянских культур, 2009. 416 с.